

Сергей Семипядный

Бегство авторитета

Сергей Семипядный

Бегство авторитета

«Издательские решения»

Семипядный С.

Бегство авторитета / С. Семипядный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834236-3

Криминальный авторитет, почувствовавший себя неспособным исполнять служебные обязанности вследствие болезни, бросает подчинённых, бежит из собственного дома и, встретив старую знакомую, пытается начать новую жизнь. Однако его побег вызывает тяжёлые последствия как для брошенной им команды, вынужденной вступить в кровавую войну с конкурентами, так и для него самого, потому как иное прошлое в действительности не такое уж и прошлое, как это может поначалу казаться.

ISBN 978-5-44-834236-3

© Семипядный С.
© Издательские решения

Содержание

Когда плачет тот, кому не положено	6
Стоимость жизни на свободе	11
Когда не хочется жрать то, что могут отрезать	14
Цель простенькая – выжить	16
Старая знакомая, старомодные отношения	17
Двойной агент поневоле	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бегство авторитета Сергей Семипядный

© Сергей Семипядный, 2016

ISBN 978-5-4483-4236-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда плачет тот, кому не положено

Едва проснувшись, он тотчас понимает, что сегодняшний день ему предстоит провести в изоляции. Известный преступный авторитет Мозгун сегодня совершенно не форме. «Господи! – взмолился он. – Хоть бы – ничего! Сегодня только. И никаких решений!»

Мозгун выбрался из постели и поспешил к входной двери, на первый уровень, чтобы своим личным ключом заблокировать вход в квартиру. Никого! Не принимать никого! А по телефону отвечать в ключе, случайно изобретённом для этих страшных дней стиля.

Если бы он не был таким, каким являлся в действительности – небольшого роста, с реденькими бесцветными волосиками на голове и... в остальных местах, с мелкими, невыразительными чертами лица, то жизнь его сложилась бы, несомненно, иначе. И даже если бы он и числился, как и ныне, в числе самых влиятельных авторитетов криминального мира, жизнь его не была бы так безобразно тяжела.

Мозгун приблизился к окну и осторожно раздвинул ленточки жалюзи. Площадь Арбатские ворота. Второй год, то есть с прошлого тысячелетия, он живёт на этой площади и частенько видит проезжающий мимо кортеж президента. Президент похож на него. Ну, или он похож на президента. Только губы у президента толще и выпуклей, чем у него, а черты лица более определённые и однозначны. И президент умеет держаться. Каждый день. И утром, и вечером, и, возможно, ночью. Его жена выглядит сонной и глубоководно-подмороженной, но чёрт его знает, что скрывается за её кошачьей внешностью.

Конечно, вряд ли она способна терпеливо дожидаться вечером наверняка нередко задерживающегося на работе муженька, однако, можно предположить, она вполне способна регулярно заводить будильник на два или три часа ночи, чтобы по его звонку ритуально овладеть президентом.

Чёрт! Звонок.

Без сомнения, это Чис.

Действительно, он.

– Чем занимаешься?

Какое его дело, чем он занимается?!

– Да так, лежу, почёсываюсь. А что?

– Тут одно дело. Крайне срочное.

– Что там ещё?

– Комара убили. Шухер по всей Москве.

– Кто его?

– Неизвестно. Предстоят грандиозные разборки и, сам понимаешь, всё остальное. В его любимом казино, в туалете. На унитазе прирезали. Как барана, прикинь. И охрана, говорят, в это время там же над писсуарами кряхтела. Сразу два дуболома.

– Ладно, завтра, – скривился Мозгун.

Комара он терпеть не мог. Прирезали – ну и пёс с ним.

– Но ведь... – начинает Чис, однако Мозгун уже отключился.

Комар жил в Жуковке, за высоченным забором, под охраной ментов с автоматами поперёк пуза. Соседи – руководство «Менатепе». Вся территория ушпигована видеокамерами, а от каждого домика – подземный ход к КПП. И кортеж у него – министр любой позавидовал бы. А вот, поди ж ты, в туалете казино прикончили. И как жить после этого?

Минутный разговор с подчинённым, а силы на исходе. Мозгун забрался в постель и уткнулся лицом в подушку. И завис вне пространства и времени.

Однако вновь звонят. На этот раз по внутренней связи, с пункта охраны. Мозгун сполз с кровати и, миновав аппарат вежливо позвякивающего переговорного устройства, вышел

в гостиную и добрёл до видеофона. И поднял взгляд на монитор. Всё тот же Чис и с ним ещё двое, Пушкин и Испанец. Впускать нельзя, просто недопустимо, но что же делать? Надо было охрану предупредить, что его нет, что он убыл, уехал, смотался.

В квантовом мире частицы могут находиться в двух местах одновременно. Мозгуну не надо в двух – ему бы в одном, но другом, не здесь, не в квартире, в которой сейчас он будет вынужден принять коллег-врагов, представ перед ними в этаким-то вот виде.

– Здоров, Мозя! – пробасил грузный Испанец, вваливаясь в комнату вслед за шустрым Пушкиным. – А ты не приболел, часом? Тебя как будто с креста сняли.

– У меня обострение. Язва, – бурчит Мозгун, не менее трёх минут стоя ожидавший, когда гости поднимутся в лифте на третий этаж, а затем преодолеют путь (в том числе – два пролёта лестницы) до входа в гостиную.

– Давно? Когда обнаружили? – удивляется Чис.

Мозгун сморщился, словно от боли, и не ответил. Поменьше говорить, побольше молчать и морщиться. С язвой – это он хорошо придумал. И пошли они все. И он имеет право отказаться от выпивки. А если в нынешнем состоянии он выпьет хотя бы сто граммов, то это будет полный атас.

Мозгун жестом распорядился, чтобы Чис занялся гостями, а сам погрузился в кресло и прикрыл глаза. Он здесь, с ними, но его как бы нет. Человек имеет право захворать в любое удобное для него время, независимо от того, что кого-то прирезали возле параша.

Необходимое на столе, и вот уже Пушкин поднимает рюмку размером с бокал.

– Выпьем с горя.

Мозгун отрицательно мотает головой.

– Да за упокой ведь! – возмущается Испанец.

– Я – потом, – скривился Мозгун.

Выпили и по второй. Испанец, захмелевший и повеселевший, откинул на спинку кресла своё грузное тело и уставил круглые рыбы глаза на Мозгуна.

– Что скажешь, Мозя? Комар – твой ближайший сосед и конкурент.

– Мой? – попытался максимально вытянуть лицо Мозгун. – Если и мой, то не только. Вы почему ко мне припёрлись?

– По велению сердца и гражданского долга, – вскинув голову, нагло заявил Пушкин.

– Ах даже так? – не без усилия усмехнулся Мозгун. – Вы, гляжу, за чистосердечным пришли. Если так, базара не будет.

– Гонишь? – прищурился Испанец.

– Да нет, сидите на здоровье. Андрон, пошарь там... на кухне, ну, в холодильнике. Чего найдёшь там...

Чис поднялся и вышел. Затихли его шаги, наступила тишина. Мозгун сидел с закрытыми глазами и ни о чём не думал. Не потому, что не о чём было, не по этой причине. Сил у него не было, совсем не осталось. Конечно, лучше экономно говорить, чем дорого молчать. Однако каким образом это сделать возможным, если и веки-то поднять – труд неимоверно тяжёлый? А тут – губы, зубы, гортань и ещё чёрт знает что. И всё это надо приводить в движение. И при этом следить за кадровым составом выпускаемых слов и звуков.

– Сергеич, пошли посмолим на балкончике, чтобы больного не обкуривать, – поднимается Испанец.

Мозгун приподнял веки, пошевелил губами, но звуков не родил. Ну и плевать.

– Чудной сегодня Мозя. Тебе не показалось? – расплылся в хитровой ухмылке Испанец и принялся теревить свою козлиную бородку, за которую и получил своё погоняло.

– Прихворнул болезный, – развёл руками Пушкин.

– На почве чего? Затеял передел, а потом перетрухал? Язва у него, вишь ли!

– Не знаю. Но что-то совсем тухлый. Таким его ещё не видал. Попробовать ещё раз Чиса ковырнуть?

– Необходимо выбрать истинную точку прицеливания, – не без пафоса изрёк Испанец. – Возможно, трэба бить у самый центр, то бишь в лоб.

– Что ж вы, хозяин там, а вы тут чего-то, а? – объявляется в дверном проёме Чис. – Может, вам баньку распалить? Можно и о других аспектах досуга шевельнуть мозгой.

Испанец жестом останавливает его.

– Да мы, братан, по делу, если ты не забыл. Хотим понять, зачем тебе и твоему пахану вся эта мудянка с кровавой какофонией. На что он рассчитывает?

– Да, что он хочет найти в этой буче, кровавой, кипучей? – кивает Пушкин.

Чис словно в изумлении вскинул руки.

– Да вы чё?! Я же говорил! Мы не при делах! А патрон и вообще час назад узнал! От меня! Да нам оно и не надо.

– Ой ли? А небезызвестные заправочки? – подковырнул Испанец.

– Ха, нам и без них есть куда расширяться. Да мы плюнули на них давно. Мы же с банками завязались.

– Да ладно, угомонись, – шурится Пушкин. – Мы-то знаем, что лучше переест, чем недоспать.

– Да я поклясться могу чем угодно! – стучит себя в грудь Чис. – И патрон вам скажет, что мы тут... Что мы это...

– Твой патрон что-то не того... – перебивает Пушкин. – Не патрон, а гильза твой патрон.

– Использованный, – подхихикнул Испанец.

Чис нахмурился, но промолчал. Он доложит обо всём Мозгуну. Он доложит, а там уж не ему решать. Однако будь он на месте босса, то уже давно бы принял кое-какие кадровые решения, он бы почистил окружающее пространство.

Когда гости возвратились с лоджии, Мозгуна в кресле не оказалось.

– А дэ вин? – удивился Испанец.

– Хорош хозяин, – поддержал Испанца Пушкин. – Баиньки, видно, отправился. Так, нет, Чис?

– Не здоровится ему. Да и, – Чис усмехнулся, – незванный гость хуже татарина, в народе говорят.

Он прекрасно знал, что Пушкин по национальности татарин. И это только в переводе на русский он Александр Сергеевич. А на самом деле Анвар какой-то там Сырычёртзнаетого-какойбекович.

Гости (которые хуже татарина) переглянулись.

– Что ж, нам пора, – проговорил Испанец, суровым взглядом сверля Чиса, затем направился к выходу.

Пушкин последовал за ним. На Чиса он не смотрит, глаза его почти полностью закрыты, губы плотно сжаты, а на щеках горит румянец и играют желваки. Он не изрёк ни слова. Потому, вероятно, что любые звуки, будучи им произведены, незамедлительно сложились бы в нечто исключительно нецензурное.

– Ты, как я понял, готов упаковать Мозгуна и, естественно, Чиса. Так? – с улыбкой говорит Пушкину Испанец, когда они входят в лифт.

– А почему бы и нет? Кто по ним плакать будет? И момент подходящий.

– А если Комар – не их рук дело?

– Это не очень трудно выяснить, если допросить с пристрастием. Того же Чиса. У меня есть специалисты, – похвастал Пушкин и мечтательно улыбнулся. – В условиях войны арсенал средств существенно расширяется.

Чис, между тем, бросился к Мозгуну.

– Патрон, эти твари попытаются уничтожить нас! Они сейчас сговорятся. Нам хана, патрон, если не примем меры! Босс, им плевать, кто Комара мочканул! Им теперь надо нас загасить. Только это. А Комара они и замочили! Они или кто-то из них!

Мозгун – он лежал ничком, уткнувшись лицом в подушку, – промычал нечто нечленораздельное.

– Босс, я вызываю врача, я вызываю консилиум! Не время болеть, патрон! Патрон, они знаешь, как тебя называли? Да я не выговорю! Использованный... Использованный, в общем, патрон! Гильза использованная! С намёком, в общем!

Мозгун с усилием перевернулся на спину и, облизывая пересохшие губы, уткнул равнодушный взгляд в подчинённого.

– Я сейчас водички!.. – воскликнул Чис и побежал из комнаты. Уже за дверью спальни он решил: – Нет, лучше водочки. Водочка – лекарство всё-таки. Не то, что вода.

Через минуту он вернулся с полным стаканом «лекарства».

– Босс, залпом и до дна. А то губы уже лопаются. Давай! – Чис подхватил Мозгуна за шею и подсунул ещё одну подушку. – Ну! Я подержу стакан.

Мозгун далеко не сразу понял, что вливаемая в него жидкость – водка. А когда понял, то лишь заполошно глянул на Чиса, не прекратив, однако, производить глотательные движения из боязни захлебнуться.

– А теперь – огурчик и кусочек хлеба. Малосольный огурчик, кстати.

Но на огурчик и хлебец у больного сил уже не осталось. Он, замычав, скривился и отвернул лицо в сторону.

До катастрофы остаётся несколько минут. Трезвым умом Мозгун это прекрасно понимает. Пока ещё трезвым. Ещё несколько минут, и алкоголь достигнет ослабленного депрессией мозга, а там... Да, необходимо срочно избавиться от Чиса и остаться одному.

– Чис, свободен. До завтра. На сегодня никаких... Всё. Позвони завтра.

– Я никуда не уйду! – твёрдым голосом произнёс Чис. – Я никуда не уйду, пока не решим, что делать! У нас мало времени! Испанец не будет неделю планы разрабатывать! Как только мысль бьёт в голову, он сразу же хватается за мобилу и даёт указания своим шестёркам!

– За-а-автра, – стонет Мозгун, уже почувствовавший, как тепло разливается по телу, предвещая необратимые изменения в организме.

– Завтра, возможно, будет поздно! – по-прежнему непреклонен Чис. – Сегодня надо действовать!

– За-а-автра...

– Но я же говорю! Босс! – вскакивает на ноги Чис. Он хочет ещё что-то сказать, однако взгляд его, брошенный на лицо шефа, обнаруживает такое, отчего глаза Чиса лезут из орбит, а все слова застревают в горле. – Босс, мы...

Мозгун плачет. Однозначно. Лицо скривилось, слёзы текут по щекам, нос подёргивается. Чис попытался к выходу, побежал, выскочил за дверь.

Мозгун взял мобильный телефон, отыскал нужный номер и нажал кнопку вызова.

– Мама, это я, – говорит он.

– Мой бывший сын? – холодно звучит голос матери.

– Мама, мне плохо!

– Ты опять кого-то убил?

– Нет, но валят на меня. Он очень заботился о безопасности.

– И как же ты его?

– Это не я! Но я... заболел.

– Я ничем не могу тебе помочь, мой бывший сын. И зря ты выпил.

Звучат короткие гудки.

– Мама! – кричит Мозгун и снова вслушивается в беспощадно короткие сигналы прерванной связи.

Стоимость жизни на свободе

Чис мечется по гостиной, затем наполняет водкой рюмку-бокал, залпом осушает его и плюхается в кресло. Что же делать?! Комар убит, Испанец и Пушкин теперь во врагах, а Мозгун – в соплях!

Чис почувствовал себя маленьким беззащитным мальчиком, которому и на улицу показаться страшно. Но в детстве могли лишь побить (и били), а теперь просто убьют, уничтожат. А перед смертью, вероятно, будут мучить. Да, именно так. Перед смертью он обязан будет поведать, как это они с Мозгуном решились поднять руку на Комара. И кому же, в самом деле, могут задаваться подобные вопросы, как не наипервейшему приближённому Мозгуна?

А потом убьют. Замочат даже в том случае, если Чис выдержит пытки и не возьмёт на себя чужую вину. Ни он, ни Мозгун не имели отношения к смерти Комара, и по этой-то, в частности, причине будет особенно обидно умирать, предварительно к тому же приняв жуткие муки.

Пискнула дверь, в гостиной появился Мозгун. Ничего не видя перед собою, с затуманенными от слёз глазами, жалко хлюпая покрасневшим носом, он тенью пробрался в ванную и принялся шумно сморкаться. Затем разрыдался.

Чис содрогнулся. Господи! Потом вскочил и вновь наполнил водкой бокал. Однако опомнился, мужественно поставил бокал на столик и убежал в дальний угол, подальше от искушения выпить водку единым махом.

Но всё равно спустя минуту бокал был пуст, а Чис, расслабленно-невозмутимый и спокойный, сидел в кресле и поигрывал носком остроносого ботинка. Сейчас он поговорит с шефом ещё раз. И он узнает, какая муха укусила патрона, и укусила так сильно, что расстроила его, словно пожилую, затурканную жизнью бабу.

Явился Мозгун. На этот раз он сразу обнаружил Чиса. И растерялся. Он хочет придать жалко подёргивающемуся лицу подобающее выражение, однако у него ничего не выходит.

И Чис пьяно и нагло ухмыльнулся.

– Иди сюда, Мозя, садись, – распорядился он. До этого момента подобной фамильярности в отношениях с Мозгуном Чис никогда себе не позволял. Он и Мозей-то его ни разу прежде не назвал – всё только «шеф», «босс», «патрон» да ещё по имени-отчеству. – Садись давай, садись. Перетереть надо.

Мозгун повиновался.

– Мозя, мы попали, – улыбаясь, сообщил Чис. – Мы попали по-крупному. Чья вина, спросишь? А это, я тебе скажу, не имеет значения. Главное, что ты не смог отмазать себя от этого мокренького дельца. Я Комара имею в виду. И приняли мы их не по рангу. В обиде они ушли, опущенные, ха-ха, они ушли. То бишь – злые.

– Объяснил же, что заболел, – пробормотал Мозгун.

– Плохо объяснил. Иначе не обозвали бы тебя презервативом использованным.

– Они так называли? – удивился, словно впервые услышал, Мозгун.

– Точно так.

– И что же теперь? – сквасил лицо Мозгун.

– А выход один, – развёл руками Чис.

– Война? Со всеми?

– Мне нужны полномочия. А сам можешь залечь поглубже и продолжать сопли по роже размазывать. Кстати, не ожидал от тебя такого прикола. Как это ты с катушек-то слетел? Признаться, за взрослого держал.

Мозгун потупил взор и ничего не ответил. Что тут объяснишь? И зачем? Имеет значение лишь сам факт, а не каким образом и почему подобное приключилось.

– А ты... никому не скажешь? – робко поинтересовался Мозгун.

Чис пожал плечами и нагло ухмыльнулся. Мозгун опустил голову. Он сейчас хотел только одного – свернувшись клубочком, прижаться к тёплой постели и тихонько поплакать. Поплакать, а потом уснуть. Уснуть, чтобы завтра проснуться здоровым, сильным, решительным и суровым до беспощадности.

Но и утром значительных улучшений в состоянии Мозгуна не произошло. Разве что слезливость по вытрезвлении пропала. Закрывшись, он сидел в своей спальне и прислушивался к звукам за дверью. Он боялся их, этих звуков, которые издавали настоящие бандиты. Особый ужас наводил на Мозгуна время от времени раздававшийся за дверью смех, то одиночный, то многоголосый. Его подчинённые собрались воевать, то есть убивать врагов и подвергать опасности собственные жизни, а сами порой ржут, словно отвязные подростки над пошлыми анекдотиками.

Скоро захотелось есть. Мозгун тщательно обыскал спальню, однако, кроме окаменевшего огрызка пиццы, ничего съестного не нашёл. Надо было вчера, когда, произведя несколько звонков и дав необходимые указания, Чис уgomонился и прилёг на диван в гостиной, податься на кухню и натащить жратвы. День, глядишь, и продержался бы.

В дверь постучали. И не в первый уже раз. Мозгун собрался с силами и крикнул:

– Вон!

Стоявший за дверью Чис тревожно поёжился. А что если дверь сейчас отворится и появится Мозгун, но не вчерашний, а прежний, такой, каким его все знали? Откроет дверь, стрельнёт насмешливым взглядом в лоб младшего соратника и, не вынимая рук из карманов халата, всадит злую пулю промеж глаз. Мозгун – хитрая и коварная тварь. Это (вчера) мог быть розыгрыш, эпизод какой-то непонятной игры!

Нет, больше он и близко неё подойдёт к этой двери, а когда шеф выйдет из спальни, то поспешит принести извинения патрону за вчерашнее хамское своё поведение. Может, и простит босс, учитывая прежнюю практически безупречную двухлетнюю службу его.

Чис вспомнил, как накануне он, с ужимками и смешочками, рассказывал товарищам о странном поведении босса. И заскрипел зубами от досады на самого себя. Бросать надо пить. Старость, видно, подступает. Несколько сот граммов, и контроль утрачивается. Выпил чуть – и на тебе, что на уме, то и на языке. Тьфу!

Чис приблизил губы к двери и прокричал:

– Босс, у нас всё готово! Босс, мы ждём тебя, чтобы действовать под твоим руководством! Босс, мы победим!

На душе чуть полегчало, и Чис заметно приободрился. Он не мог знать, что Мозгун, зарывшийся головой в подушки, не слышал верноподданнических слов его.

А около трёх часов дня Мозгун по канату, изготовленному из простыней, спустился из окна лоджии на улицу и поспешил прочь от своего дома. Он знал, что его путь лежит до ближайшего кафе, где он перекусит и... И больше он ничего не знал.

Еда оказалась омерзительной, и солянка, и поджарка, однако чувство голода ушло. Мозгун принялся размышлять, пытаясь просчитать варианты дальнейшего своего поведения, и тотчас ощутил, как силы с пугающей быстротой стали покидать его тело. Не думать, не принимать никаких решений, сообразил Мозгун, и тогда ещё останутся силы на то, чтобы перемещаться в пространстве, чтобы совершать простейшие действия. Да, так.

Мозгун повернулся к окну и принялся наблюдать за прохожими. Вон их сколько, тех, которых несёт по жизни, словно по волнам. А они – что? Перебирают ножками, чтобы не споткнуться и не упасть, да головами вертят в поисках еды да тряпочек. Ну и чтобы под автомобиль не угодить ненароком. И всех делов.

И он так сможет.

Мозгун вышел из кафе, добрёл до остановки и вошёл в первый же попавшийся автобус. Осмотрелся, пытаясь определить, каким образом производится нынче оплата проезда, и скоро

заметил приближающуюся к нему женщину с сумкой на груди. Ясно, кондуктор. Сколько же стоит билет? Наверное, не больше десяти рублей. Он оказался прав. С десятки кондукторша сдала ещё целых шесть рублей.

Как всё дёшево! Билет – всего четыре рубля. А обед обошёлся практически даром – ему с сотни ещё даже какие-то копейки сдали. С сотни рублей, а не сотни баксов. Если питаться в таких кафешках и ездить на общественном транспорте, то, выходит, и денег больших не надо.

В эту минуту автобус обогнал, дико ревя мотором, красный «жигулёнок». Ревёт ведь, а едет. Едет и везёт кого-то. Мозгун вышел на ближайшей остановке, огляделся и, заметив стоявшую у обочины серенькую «шестёрку» с массивной фигурой на переднем левом кресле, приблизился к автомобилю и стал его осматривать.

– Чего тебе? – недружелюбно поинтересовался водитель «шестёрки», мрачный толсто-рожий тип.

– Свободен?

– Садись. Куда едем?

– Давай всё прямо и прямо, – устроившись рядом с водителем, махнул рукой Мозгун. Помолчав с минуту, спросил: – За сколько машину продашь?

– А я не продаю её.

– А если бы продавал?

Водила, покосившись, окинул Мозгуна придирчивым взглядом и обронил, словно сплюнул:

– Тыща.

– Беру, – сказал Мозгун.

– Ладно, дам телефон, звякнешь через месяц.

– Полторы, но сегодня, – начал торг Мозгун.

«Шестёрка», резко притормозив, с неожиданной резвостью скакнула влево, а потом круто развернулась и помчалась в обратном направлении.

«Может, я выздоровел?» – подумал Мозгун спустя час с небольшим, поглаживая рулевое колесо свежеприобретённого автомобиля. То, что он так легко принял решение о покупке стареньких «Жигулей», вселяло надежду. Мозгун стал размышлять на тему смерти Комара и приводящих обстоятельств, однако тотчас же жизненная энергия стремительным потоком устремилась вон из его организма. Мозгун встряхнул головой, осмотрелся и увидел, что он в другой жизни. И он – другой, не такой сильный и решительный, как раньше, однако и не тот инвалид, каким, по сути, был всего несколько часов тому назад.

Когда не хочется жрать то, что могут отрезать

Чис утратил дар речи. Он смотрел на изготовленный из простыней канат, сжимал руками край подоконника и хрипел.

– Он сбежал, – сказал Колобок.

Чис резко развернулся и с размаху заехал Колобку в морду.

– Его похитили, тварь! – Чис схватил упавшего Колобка за уши – волос у Колобка не было – и несколько раз ударил головой о паркетный пол лоджии. – Босса украли, паскуда! Ну, чего встали?! Вниз! Осмотреть всё, опросить всех! Осмотреть внизу! И в доме напротив! Поквартирный обход!

Восемь человек ломанулись на выход, устроив давку в дверях. Остались только Чис и Колобок. Колобок, хрюкая, вытирал платочком кровь с разбитого черепа и облизывал окровавленные губы.

– В чём дело, Колобок? Ты захворал? Работать!

– Чис, надо всё обмыслить. А ты башкой о паркет! – жалобным голосом проговорил Колобок. – Надо всё обсосать и прокачать, а не бить друг друга головой о дерево. Я... как это увидел... Просто в башке, как это увидел, переклинило. А ты меня за уши и...

– Ну извини! Я же извинился! Но ты, гад, такое выдал! Я тебя щас в пол вотру, как мастику!

Чис, нависая над сидящим на паркете Колобком, переминался с ноги на ногу, словно решал, каким образом сподручнее осуществить только что продекларированное.

– А как попали сюда? Как попали, если четвёртый этаж? Чтобы привязать к перилам, надо...

– Колобок, ты меня окончательно выбесил, – вдруг изменившимся тоном сказал Чис, отошёл от Колобка и плюхнулся на кожаный диванчик. – Босс, если бы захотел выйти... Он ушёл бы через дверь. Он вышел бы обычным порядком: дверь, лифт, дверь. Лифт, заметь, а не простыня!

– Да, на лифте, конечно. Но у меня в черепушке сплошной гул. Твоими молитвами, Чис. А вот Испанец никогда не рукоприкладствует. А Пушкин и с подчинёнными стихами разговаривает.

– Тпрррр! А вот на этой темке остановимся и приглядимся, – распорядился Чис и сверхвнимательнейше уставился на Колобка. – Так, давай про Испанца и Пушкина...

– Чего? – беспокоился Колобок.

– Ты продался? Это ты шефа продал, гниль? Но ты же умрёшь! И не как все нормальные люди. Ты не пулю проглотить, а будешь ме-е-едленно умирать на дыбе. За такие вещи в цивилизованных странах за мошонку подвешивают, на кол усаживают или ногами – в мешок с голодными крысами. Что ты выберешь, кандидат в покойнички?

– Ты чего, Чис?! – перепугался Колобок, прекрасно осведомлённый о суровом нраве этого худого до безобразия длиннолицего мужика, некогда изгнанного из егерей. – Ты же давно меня знаешь! Я же верой и правдой!..

– Ты сам рассказывал, как привязывал простыню. На кого работаешь, крот круглоголовый? Я щас поговорю с тобой стихами! Куплетами и дуплетами!

Испуганный Колобок ёрзал на пухлых ягодицах и не знал, оставаться ему в сидячем положении или подняться на ноги, рискуя вновь оказаться поверженным на пол.

– Чис, я... Чис, я скорблю вместе со всеми! Чис, я только предположил, что...

Лепет Колобка окончательно утвердил Чиса в том, что тот причастен к исчезновению Мозгуна.

– Сейчас ты, гнилушка пухлая, всё расскажешь, – проговорил он стальным голосом, затем левой рукой поддёргнул штанину и выхватил нож, закреплённый на голени правой ноги. И, вскочив, метнулся к Колобку. – Сначала я положу перед тобой твои уши, потом нос, потом яйца! Всё это – на подносе, в кровавом соусе! Ты будешь это глотать и давиться словами, торопясь поведать всё без утайки!

Вдохновлённый нарисованной им картиной, Чис выбежал с лоджии, чтобы возвратиться через минуту с наручниками, ибо понимал, что Колобок будет энергично биться и вырываться в процессе приготовления кровавого блюда.

Чис убежал, а Колобок заметался в поисках выхода. И нашёл его. Он перебрался через подоконник и принялся торопливо спускаться по кустарно изготовленному канату вниз. Он ни о чём не думал, он спасал свою жизнь, потому как без всего того, чего он должен лишиться по возвращении Чиса, это уже не жизнь.

Колобок был на полпути к земле, когда Чис его обнаружил.

– Назад! – заорал Чис и полоснул ножом по канату, затем второй раз. Он действовал не вполне логично.

Колобок полетел вниз. Возвратиться назад он не мог. Во-первых, потому что не хотел. Во-вторых, по той причине, что путь назад ему был отрезан, в прямом смысле этого слова отрезан. Причины, вследствие которых Колобок не в состоянии был вернуться, можно поменять местами, однако это ничто не изменит. Секунда – и он упадёт на асфальт. Вот уже и упал. И взвыл, больно ударившись затылком о земную твердь.

– Держите его! – проорал Чис вышедшим из подъезда подчинённым и поспешил к выходу из квартиры.

– Кого держать? Кого? Что случилось?

Никто ничего не понимал. Подбежали к Колобку, надеясь, что он внесёт ясность.

– Ты чего? Кого он держать велел? Чис проорал чего-то! – посыпались вопросы.

– Его. Вон того парня. В синей бейсболке, – нашёлся Колобок и указал на одного из зевак, внимание которых привлекли происходящие события.

Спустя минуту Чис, радостно поигрывая ножом, протиснулся сквозь плотный кружок разгорячённых только что состоявшимся задержанием бандитов и нагнулся к вываленному в пыли человеку.

– Не понял, – проговорил он ошеломлённо.

– Вот... – сказали в ответ. – Помяли, правда.

Хотя лицо поверженного в прах и было окровавлено, однако он разительно отличался от круглоголового и коренастого Колобка.

– Где Колобок? А это что такое? – Чис указал на парня, который, всхлипывая, размазывал по лицу кровь и сопли. – Кто это?

– Да мы не знаем... Велели ж... – отвечали ему.

– Кто велел? – недоумевал Чис.

– Ты же кричал.

– Я Колобка приказал задержать, упыри! Где Колобок?

А Колобок был далеко. Он ехал в синей «Ладе» девяносто третьей модели и посекундно оглядывался. Кажется, он спасся. Но что же дальше? Его будут искать. Все его адреса известны коллегам. Куда ж податься? Может, вернуться? Ведь нет же за ним вины! Но пока разберутся, останешься без ушей, а то и без чего другого, не менее необходимого в повседневной жизни крутого брата.

Цель простенькая – выжить

– Чис, чего ты нам впендюрить тут пытаешься? Ты за кого нас держишь? – зло проговорил Испанец и повернулся к Пушкину, ища поддержки.

– О, времена куртуазные наши! – с пафосом воздел кверху руки Пушкин. – Я знаю, чем накормить народ. Но это он жрать не будет. Рекламная служба русского радио.

– Да, мы это жрать не будем, – подтвердил Испанец угрожающе. – Придумать больше ничего не смог? Балкон, простыни... Совсем наглость потерял?

– Да человек десять моих ребят – живые свидетели! У любого спросите – подтвердят. В машине трое. Позвать? – кипятился Чис.

– Они подтвердят, не сомневаемся, – сказал двухметровый громила Юра Шипунов по кличке Шепель. – Пока живые.

– Угрожаешь? – мгновенно начал заводиться Чис.

– А ты как думал? Комар в законе, между прочим. Ответить придётша.

– Насчёт Комара вам сказали!

– Такая же туфта, как и Мозгун, убегающий из собственного дома по простыням, – заявил Испанец.

– Я сказал – Мозгуна похитили. И повторяю – Комара не трогали, босса похитили. Кто – я узнаю, – отрубил Чис, затем встал и ушёл.

– Моя ладонь превратилась в кулак, – пропел Пушкин и с улыбкой потряс небольшим костлявым кулачком.

– Лечить надо всю компанию, – заключил Шепель, опуская на столешницу огромный кулачище и зло глядя вслед Чису. – Шобираем толковище и решаем.

– Зачем? Кто такой Чис, чтобы толковище собирать? – развёл руками Испанец. – Да я дам команду, и их сейчас, через минуту, положат. Или повяжут.

– Шегодня не надо. Но и тянуть не будем. Надо всё по уму обшавить. Официант!

Чис в это время, кося взглядом по сторонам, приближался к своему джипу. Если ему дадут уехать, то потом он уже не дастся. И никаких стрелок и тёрков. Глушить всех. Да ещё бы так, чтобы они друг друга подозревали. В общем, стравить бы всех этих шакалов титулованных. Он, Чис, не Мозгун, который всё по понятиям и с разрешения. Без правил! Цель оправдывает средства! А цель – выжить. Не пустячная, надо заметить, цель.

Запрыгнув в машину, Чис объявил:

– Переходим на нелегальное положение. Дома никому не ночевать. Майкл, покрутись, чтобы не было хвоста. А ты, Плясун, свяжись с агентством. И пускай подберут коттедж за городом с расчётом на повышенную сейсмическую опасность.

– А что, всё так плохо? – спросил Лом.

– Хуже некуда. Комара на нас навесили – раз, в то, что босса похитили, не верят – два. Спасибо, дали уйти. Уверены, что достанут. Самоуверенность их и погубит. Нужно действовать жёстко, кость в кость. Но лучше было бы натравить их друг на друга. И тут надо действовать тонко.

– Где тонко, там и рвётся, – заметил Майкл, бросая мрачные взгляды по сторонам и в зеркала.

– Порвётся – сгниёт, – дёрнул плечом Чис.

– А босса как искать будем? – поинтересовался Плясун. – Кстати, в разговоре ничего не высветилось по боссу?

– Ничего. Они же артисты. Что Пушкин, что остальные. Даже упырь Шепель.

– А хозяйство? Растащат ведь, – вздохнул Лом.

– Вот и надо шустрить. Чтобы не успели.

Старая знакомая, старомодные отношения

В последние годы Мозгун очень редко садился за руль. А Москва изменилась, и изменилась очень сильно. Построены новые развязки, всюду строится третье кольцо, многие улицы стали иными: где-то ввели одностороннее движение, где-то сделали разделительные полосы и поставили знаков. Особенно неудобным стал центр города, который так закружил Мозгуна, что после часа езды он вдруг обнаружил себя едущим по Беговой улице. Возле ипподрома Мозгун припарковался, купил входной билет за какие-то копейки и вошёл в здание ипподрома. Боже! Что здесь стало! Такого запустения и в Питере ещё поискать.

А люди! Десяносто процентов – натуральные бомжи. А ставки! Минимальная – десять копеек, всего десять копеек. Мозгун постоял у касс и понял, что и максимальные ненамного выше. Баба цыганского типа в грязно-белом халате продавала водку в разлив и хот-доги с тёмно-коричневыми сосисками. В кафе на веранде еда была не лучше, а водка оказалась натуральной отравой на керосине.

Мозгун был убит. Убит настолько, что не был уверен, достанет ли у него сил подняться и покинуть ипподром.

– Вам плохо? – услышал он и с усилием повернул голову на звук женского голоса.

– Да, немного. Пройдёт.

Женщина присела рядом. Яркая помада, кудряшки крашеных светлых волос, шарфик повязан кокетливым бантиком. Мозгун окинул женщину взглядом, и сердце его сжалось от вида убогости её наряда. Всё словно из сэконд-хэнда или с помойки: и розовая ветровка, и сорочка с рюшечками, и клетчатые брючки. И туфли белого цвета. Точнее, рождены они были белыми – теперь же стали серыми вследствие множества избороздивших туфли трещин и трещинок.

Мозгуну захотелось вынуть из карманов все деньги и отдать этой несчастной. Однако женщина не выглядела несчастной. Напротив, она была весела и жизнерадостна. И она, приглядевшись, Мозгун это понял, не была старой – тридцать пять от силы.

– Ну как я выгляжу прекрасно? – усмехнулась модница, но не иронично, а весело. – Вы не совсем плохи, если ещё и женщин способны замечать. Будем знакомы, Натка.

– Натка? Тогда я Костик.

Как он сразу не узнал Натку? Звезду того ресторана, с которого и началась его вторая жизнь. Впрочем, она преизрядно полиняла за эти годы. А когда-то он провёл в её обществе почти сутки, где было много цветов, шампанского, прогулки под луной, поцелуи и ласки, но не было секса. А потом её увёл у него кто-то из дружков. Такое случилось не однажды.

– Хотите сказать, что мы знакомы? – спросила Натка.

– Да, немного.

– Но любовниками мы ведь не были?

– Нет.

– Ну что ж, у вас есть шанс. Я свободна.

– Я могу пожить у вас? Я бездомный, – сказал Мозгун.

– Без проблем. Но комфорт и хорошую еду обещать не могу.

– Идёмте! – Мозгун поднялся.

– Но ещё три заезда. Вы разве не поставили?

– Нет. А вы сколько рассчитывали выиграть?

– Рублей сто. Если Белка придёт первой, а Сириус...

– Считайте, что выиграли тысячу. Идёмте, я хочу отдохнуть.

Узнав, что предстоит поездка на автомобиле, Натка жутко обрадовалась.

– А прокатиться? Хотя бы по Садовому. За бензин вычтете из тысячи, которую мне обещали. Только надо Катку захватить. Сейчас найду и притащу.

И она нашла и притащила Катку, лицо которой тоже показалось очень знакомым. Вероятно, женщины были дружны и в тот период его краткого знакомства с Наткой.

Когда спустя три часа Мозгун оказался в квартире Натки, сил у него хватило лишь на то, чтобы снять туфли и упасть на кровать поверх одеяла.

Проснувшись, он обнаружил рядом с собою Натку. Одежды на ней не было.

– Я готова, жду решительного слова, – лукаво произнесла Натка и нависла грудью над опешившим мужчиной.

– Вы без одежды. Почему? – Мозгун чуть отстранился.

– А у меня нет хорошего белья.

– Но зачем же раздеваться?

– Не понял! – возмутилась Натка. – В чём дело? Это что же, вопрос секса не стоит? Ты гомик? Ты как этот вопрос решаешь?

– Я пользуюсь... Я пользовался услугами... проституток. Так их назовём, – сказал Мозгун.

– Проститутки? Проститутки в моём доме? Не будет этого! – заявила хозяйка квартиры. – Но учти: я денег не беру. В этом вопросе я старомодна. Только чистая свободная любовь!

– Ты хочешь сказать, что любишь меня?

– Мне кажется. И ты поспешил бы, пока я в плену, возможно, иллюзий.

– Ты уж сама, – разрешил Мозгун.

– Что?! – вскипела Натка. – Даже не собираешься обозначить страсть ко мне. Ты со мной как с продажной девкой?!

Мозгун не ответил. Даже не пошевелился.

– Можешь выметаться, – разрешила Натка и отстранилась. Теперь она с равнодушным видом лежала рядом, закинув руки за голову и поигрывая ступнёй правой ноги.

– Ты обещала мне приют, – напомнил Мозгун.

– Нанесённые тобой оскорбления снимают с меня любые и всяческие обещания. Да ни одна бы женщина такого не потерпела! – с некоторым как бы даже и удивлением в голосе воскликнула поклонница «чистой свободной любви». После паузы, заметно наэлектризовавшей окружающее пространство, произнесла неуверенно: – А тебе и в самом деле некуда пойти?

– Да. Я даже в гостиницу не могу...

– Так, так-так, а что же делать? – Натка задумалась. – А ты заметил, что у меня подмышки не выбриты?

– Да, это очень эротично.

– Я немного полненькая, но талия у меня узкая.

– Да, у тебя отличная фигура.

– Давно бы так. Хорошо, я тебя изнасилую.

За ужином Натка приставала к Мозгуну с расспросами, а он всячески уклонялся от ответов, стараясь говорить кратко и односложно.

– Не женат... И не был... Детей нет... Бизнесом... Теперь не у дел... Да, что-то вроде банкротства... Да, скрываюсь от кредиторов...

– Тебе необходимо изменить внешность! – с воодушевлением произнесла Натка. – Я в этом помогу. Думаешь, я в театре не работала? Усы и борода – раз, контактные линзы – два, короткая стрижка – три. Хорошо бы килограмм двадцать прибавить в весе. Но... в постели ты будешь очень неповоротлив. Ладно, вес оставляем. Хорошо бы паричок или накладку на лысинку. Пластическую операцию бы. Брови приподнять, уголки глаз опустить. Изменить голос и походку. Голос сделаем сиплым. Это я беру на себя. А вот над походкой самому придётся потрудиться. Деньги у тебя на парик, линзы и операцию имеются?

Двойной агент поневоле

Чис был в бешенстве. Прошли сутки, а Колобок не обнаружен. Где он, чем занимается? Хорошо, если залёг на дно и сопит в две дырочки. А если перебежал на сторону врагов? С него станется, подловат был всегда. А ему известно слишком многое, по крайней мере, вполне достаточно, чтобы ущерб от его предательства достиг критической точки.

Меры, конечно, приняты. Перепрятано, в частности, оружие, даже то, о котором Колобку, кажется, никак не должно быть известно. На восемьдесят процентов обновлён автомобильный парк. Всем членам команды запрещено появляться как по месту жительства, так и по любому иному адресу, который может быть известен Колобку.

Колобок как в воду канул. Он даже не позвонил. Ни Чису, ни кому-либо другому. И это было плохим знаком. Если раньше Чис допускал, что Колобка, при определённых обстоятельствах, возможно было бы простить, то нынче вопрос так уже не стоял. Конечно же, только смерть.

– Если до вечера не отыщете Колобка, буду считать вас в сговоре с предателем, – пригрозил Чис. – И постоянно проверяться, чтобы не притащить хвост. На сегодня это первейшая задача.

– Колобок – трус, он не пойдёт ни к кому. Наверняка залёг, – высказал предположение Лом.

– Но он до сих пор даже не попытался оправдаться! – взмахнул руками Чис. – И этим отрезал себе путь назад! Он это понимает и рано или поздно переметнётся.

– Тем более, когда нас начнут отстреливать, как куропаток, – мрачно добавил Майкл.

– Да запил он, зуб даю, – скривился Лом, спиртное не употреблявший по причине кодирования.

– Значит, необходимо найти, пока не выбрался из запоя, – заключил Чис. – Найти и обезвредить.

А Колобка ещё вчера провели к Испанцу и вытолкнули на середину комнаты. Испанец, сидевший у камина, нехотя повернул голову.

– Чего пришёл?

– У меня конфликт с Чисом вышел. Хотел уши отрезать и за мошонку подвесить.

– Чего так?

– Чис – очень грубый мужчина. Я убежал. Я по простыням спустился. По тем же, по которым босс ушёл.

– Из-за чего конфликт-то?

– Ирония судьбы с лёгким кошмаром. Я предположил, что босс сам ушёл, а Чис сказал, что похитили, и – по лицу мне. А потом решил всё поотрезать и...

– Ну всё, хватит! Не ной! Чего разнылся? – Испанец поднялся и прошёлся по комнате.

Колобок вдруг увидел, что Испанец жутко пьян, и сердце его сжалось и болезненно рванулось вниз. Колобок вырос с отчимом-алкоголиком и по этой, вероятно, причине без привычной настороженности воспринимал нетрезвых людей лишь тогда, когда сам бывал пьян.

– Я просто... понимаете... – залепетал он.

Испанец остановился и по-рыбьи глянул в его сторону.

– Ты мне конкретно скажи. Ты мне... Мозгуна похитили? Похитили Мозгуна, я тебя спрашиваю, или он сам свалил?

– Не знаю. Чис думает, что похитили, а я...

– Другой вопрос. Кто Комара прирезал?

– Я не знаю. Не я. Не наши.

– Ты ничего не знаешь. Так? – Испанец подошёл и, теребя бородку, принялся рассматривать Колобка неожиданно избавившимися от пелены бессмысленности глазами. Потом, хитро улыбнувшись, спросил: – Тебя Чис прислал?

Лицо Колобка обрело цвет бедра испуганной нимфы, как пишут в книгах. Такого оборота он не ожидал. Не рассчитывая на особенно тёплый приём, он, в то же время, никак не предполагал, что будет обвинён в подобных вещах.

– Да я с третьего этажа летел! Да все же видели! Я спускался, а Чис ножом... Я полетел. Я чуть позвоночник не сломал! Чис орёт: «Держите!» Я же чудом вырвался!

– Инс... Инсценировка, – усмехнулся Испанец и направился к креслу.

Колобок беспомощно оглянулся на двух крепких ребят, в течение всего этого времени молча стоявших позади него.

– Пошли, голубок, поворкуем, – предложил один из них, поигрывая стеклом.

– Расскажешь нам подробенько, в красках и цвете, – добавил второй, высокого роста брюнет с улыбкой генерала Лебеда. – А мы проверим на детекторах лжи. У нас их много разных.

– Господин Испанец! – взмолился Колобок и в ту же секунду схлопотал увесистый подзатыльник от того, что со стеклом. – Ой! Ой-ё-шеньки! Ведь ни за что же!

Да, ни за что. Однако стало совершенно ясно, что в полной мере выговориться он получит возможность не здесь, не среди роскоши каминной комнаты, а в гораздо менее комфортабельных условиях.

Спустя час Колобок вновь предстал перед Испанцем.

– Каковы результаты? – лениво обронил Испанец. На этот раз он даже головы не повернул.

Колобок в надежде оборотил затравленный взгляд к провожатым.

– Похоже, не врёт. Можно закапывать, – ответил обладатель ухмылки генерала Лебеда.

Испанец тяжело поднялся и подошёл, пошатываясь, к Колобку.

– Закопать успеем. Так вот, Блинчик-Булочка, или как там тебя...

– Колобок, – шмыгнул разбитым носом Колобок.

– Так вот, Колобок... Да, на меня будешь работать. Я даю тебе шанс, Бублик. Возвращаясь к своим друзьям и... Ты понял, зачем? Чтоб я был в курсе всего и всякого. Да? Что-то новенькое – звонок. Вова, дашь ему свой телефон. Обман, неточность – приговор приводится в исполнение.

– Но Чис!.. Чис убьёт меня! Я едва ноги унёс! – застонал Колобок, когда до его сознания дошёл смысл полученного приказа.

– Ну убьёт и убьёт. На войне как на войне, – развёл руками Испанец. И потерял равновесие. Колобок бросился поддержать его, однако нарвался на неожиданный окрик. – Руки! Коллеги, проинструктируйте и – на запуск. Отсчёт пошёл. А я если чего решил, то обязательно выпью.

Если сомневаешься – не делай, если сделал – не сомневайся. А если сделал против своей воли, под принуждением? А кого это интересует? Уж не Чиса – это точно. Колобок быстро удалялся от особняка Испанца и плакал. Он пропал! Явиться к Чису – смерть, не явиться – тоже мучительная смерть!

Проехав сотню метров, Колобок остановил автомобиль, забежал в сельский магазинчик и купил бутылку водки. Затем вернулся и взял ещё чипсов на закуску. Забравшись в машину, открыл бутылку и, обливаясь слезами и водкой, ополовинил её.

Спустя два часа его нашли у школьного приятеля и притащили к Чису. Мимоходом подвергли неприятной и болезненной процедуре отрезвления посредством оплеух.

Чис был доволен.

– Значит, не успел, гнилушка, переметнуться? Отлично. Но это впереди. Да, Колобок? – Чис удовлетворённо потёр руки и прошёлся по кругу, оценивающе оглядывая помятого соратника. – Мы тут подумали, и я решил... Ну-ну, взбодрись! В общем, Колобок, отправляем тебя в стан врага. Будешь засланным казачком.

– Не-е-ет! – взвыл Колобок. – Лучше убейте! Нет! Нет, я не пойду! Лучше убейте! – Колобок упал на колени, закрыл лицо руками и зарыдал, как любящая жена на могиле любимого мужа.

– Колобо-о-ок, уймись. Ты как ба-а-ба, в самом деле. Вот уж не думал, что ты такой робкий парнишка. Сам подумай, я предлагаю... А это вместо того, чтобы приговорить тебя. Я предлагаю достойно искупить свою вину и послужить общему нашему делу. Ты явишься к Шепелю и расскажешь, как тебя здесь не любят и не понимают. Шепель, кстати, был когда-то корешем босса. Что ещё говорить, мы тебе объясним. И у нас будет свой человечек в стане врагов. Разведчик – это самая почётная и романтическая профессия в мире. С оплатой тоже не обижу.

Колобок продолжал плакать. Романтика профессии разведчика его не увлекала. А стать двойным агентом – это и вообще выше высшего предела. Одновременно быть агентом в двух находящихся в состоянии войны бандитских группировках – самоубийство в извращённой форме.

И всё-таки Колобок дал своё согласие. Он услышал характерный металлический звук, поднял зарёванное лицо и, пряча взгляд от смертельно опасного пистолетного взора, способного навести какую угодно порчу, сквозь рыдания выдавил:

– Я согласен.

– Вот и чудненько. Сам подумай. Ты если и умрёшь, то как герой. В скрижалях о тебе запишут. Памятник тебе сделаем такой, что девки толпами будут на твоей могиле рыдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.